

Mira Vane

Сад на двоих

Mira Vane

Сад на двоих 2

«Автор»

2026

Vane M.

Сад на двоих 2 / M. Vane — «Автор», 2026

Во второй половине «Сада для двоих» магия сада даёт трещину: дерево Му слабеет, а империя погружается в упадок. Лина и Кай спускаются к корням под горами и открывают тайну Первого сада — источника всей силы. Тем временем Тэнь бросает вызов устоям: он режет корни, стремясь освободить людей от власти дерева. Лине предстоит исцелить сердце сада, рискуя собой, а Каю — противостоять врагам, чтобы вернуть любимую. Параллельно расцветает новая история — Рэн и Юй учатся слышать сад и друг друга. В финале каждый выбирает свой путь: кто-то строит новый порядок, кто-то — свой тихий сад. Любовь и долг сплетаются в последнем испытании, где цена выбора — сама судьба мира.

© Vane M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга вторая: Буря цветов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Mira Vane

Сад на двоих 2

Книга вторая: Буря цветов

Пролог. Семена прошлого

Прошло пять лет. Сад, который когда-то был тюрьмой Лины и местом её первой любви, теперь стал сердцем нового мира. Дерево Му раскинуло свои ветви над всей долиной, и серебряная крона виднелась из любой точки города Фэнхуа. Город изменился: улицы, которые раньше подчинялись строгому порядку императорских декретов о цветении, теперь цвели сами по себе, будто каждый камень, каждая черепица на крышах пропитались магией сада.

Лина стояла у окна дома, который Кай построил для них на холме с видом на долину. Дом был невелик, но в каждом углу жила память: засушенные цветы с первого цветения, лоскут шёлка, в который Лина была завернута в детстве, деревянная фигурка журавля, вырезанная Каем в долгие зимние вечера. У Лины в руках была маленькая Хана, их дочь, которой шёл четвёртый год. Хана унаследовала глаза отца, тёмные и глубокие, как ночной пруд, и волосы матери, чёрные, но с одной прядью, которая отливала серебром, словно дерево Му решило оставить в ней свой след.

Кай работал во дворе. Он обучал молодых стражей новому искусству: не подавлению, а защите. После падения императора Шэня армия не распалась, но трансформировалась. Кай стал тем, кого никогда не хотел быть: учителем, наставником, человеком, к которому приходили за советом. Он носил простой халат цвета неба перед рассветом, и единственным напоминанием о прежней жизни оставался тонкий шрам на левом предплечье, память от стрелы, которую он получил в день побега из дворца.

Лина смотрела на мужа и дочь и чувствовала покой, который не был полным. Где-то в глубине сада, под корнями дерева Му, пряталось знание, которое она не могла произнести вслух: сад помнил не только её любовь, но и то, что предшествовало ей. Историю её матери. Тайну, которую император Шэнь унёс с собой в безумие. И ещё одну тайну, о которой не знал никто: у сада был свой голос, и этот голос становился громче с каждым годом.

Хана потянула мать за рукав и показала на окно. За долиной, там, где горизонт сливался с небом, поднимался столб света. Не закатного, не рассветного. Серебряного, как крона дерева Му, но исходившего не из сада. Из-за гор. Оттуда, куда не доходила магия цветения. Оттуда, куда не долетал ветер, несущий пыльцу. Из земель, которые на старых картах были помечены одним словом: «Пустые».

Лина прижала дочь к себе и почувствовала, как сердце сжимается. Не от страха. От узнавания. Этот свет она уже видела однажды, много лет назад, в глазах императора Шэня, когда он стоял перед деревом Му и шептал слова, которые не были заклинанием. Это была молитва. Обращение к чему-то, что было старше сада, старше империи, старше самого времени. И теперь это что-то просыпалось.

Часть четвёртая. Пустые земли

Глава 1. Столб света

Кай увидел свет в тот же момент, что и Лина. Он стоял во дворе, показывая юноше по имени Рэн, как держать меч не для удара, а для защиты, когда серебряный столб поднялся из-за гор, и воздух в долине стал другим. Не холоднее, не теплее, а плотнее, будто кто-то влил в него ещё один слой, невидимый, но ощутимый кожей.

Рэн выронил меч. Ему было семнадцать, он был высок, нескладен, с лицом, на котором детство ещё не уступило место взрослости. Он пришёл к Каю полгода назад из северной про-

винции, где деревни вымирали от неизвестной болезни. Рэн был единственным, кто выжил, и единственным, кто не мог объяснить, как это ему удалось. Он просто сказал, что услышал голос, который велел ему идти на юг, и шёл.

Кай поднял меч, подал его Рэну и сказал: «Держи крепче. Это не враг. Пока не враг».

Вечером Лина и Кай сидели на крыльце, и Хана спала между ними, свернувшись клубочком, как котёнок. Лина говорила тихо, чтобы не разбудить дочь, но каждое слово было тяжёлым, будто она поднимала камни со дна реки.

Она рассказала Каю о том, что видела в глазах императора Шэня в последний день. Не безумие, не страх. Узнавание. Шэнь знал, что за садом стоит что-то ещё, и он не боялся этого, а ждал. Его безумие было не болезнью, а попыткой вместить в себя знание, слишком большое для человеческого разума. Он говорил с деревом Му, и дерево отвечало, но не словами, а образами, и один из этих образов теперь поднимался из-за гор серебряным столбом.

Кай молчал долго. Потом обнял жену, притянул к себе, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно, как всегда. Он не боялся. Он волновался, но не боялся. Это различие Лина уловила давно: Кай волновался о конкретных вещах, о людях, о долине, о Хане, но не испытывал страха перед неизвестным. Возможно, потому что слишком долго жил в неизвестности, бежал, скрывался, и неизвестность стала для него привычным фоном, как ветер или дождь.

«Мне нужно пойти туда», сказала Лина. «Мне нужно увидеть, что это».

«Я знаю», ответил Кай. «Поэтому иду с тобой».

Решение ехать в Пустые земли было не импульсивным. Лина провела три дня в саду, сидя под деревом Му, касаясь коры ладонями и вслушиваясь. Дерево не говорило словами, оно никогда не говорило словами. Оно показывало. И то, что оно показывало теперь, было новым: корни, уходящие глубже, чем Лина могла представить. Не в землю, а сквозь землю, в то, что лежало под ней. Другой слой мира, который был здесь всегда, но спал, и теперь просыпался.

На четвёртый день Лина вернулась домой и нашла на столе свиток. Пергамент был старым, желтоватым, с краями, обсыпавшимися, как лепестки засохшего цветка. Почерк был незнакомым, но каллиграфия была безупречной, с тем наклоном, который Лина видела только в дворцовых документах империи. В свитке было написано: «Садовница, ты слышала зов. Приди в Пустые земли, и ты поймёшь, почему сад выбрал тебя. Приди одна».

Лина показала свиток Каю. Он прочитал, аккуратно свернул пергамент и положил на стол. Потом посмотрел на жену с тем выражением, которое она научилась читать за пять лет совместной жизни: спокойная решимость человека, который уже всё решил и просто ждёт, чтобы она подтвердила то, что он и так знает.

«Одна ты не пойдёшь», сказал он. «И мы оба это знаем».

Хана проснулась, потёрла глаза кулачками и попросила есть. Лина взяла дочь на руки, и в этот момент поняла, что не может оставить её. Не потому что не с кем, а потому что Хана тоже часть сада, часть магии, и если есть что-то, что просыпается за горами, оно касается и её тоже. Серебряная прядь в волосах девочки светилась в темноте, и это свечение стало ярче после появления столба.

Они решили идти вместе. Все трое.

Глава 2. Дорога через горы

Путь в Пустые земли вёл через перевал Цинлин, который в старые времена служил границей империи. За перевалом дороги не было: лишь каменистые склоны, редкие кусты, цепляющиеся за расщелины, и ветер, который никогда не стихал. Кай нёс Хану на спине, привязав её шёлковым шарфом, который Лина когда-то получила от матери и который хранил тепло лучше любого одеяла.

Лина шла впереди, касаясь руками стен ущелья. Камень был тёплым, и это удивляло: на такой высоте камень должен быть холодным. Тепло шло изнутри, пульсирующее, ритмичное, и Лина узнавала этот ритм. Сердце. Сад бился под горами, его корни пронизывали камень,

как кровеносные сосуды пронизывают тело, и каждая трещина в породе была следом корня, который шёл туда, за горы, в Пустые земли.

На третий день перехода они нашли пещеру, которая была не пещерой. Вход был вырезан в скале руками, не природой. Стены были покрыты резьбой, и резьба была знакомой Лине: те же узоры, что и на коре дерева Му. Спираль, уходящая внутрь, ветвящаяся, как река, как корень, как нерв. Лина прижала ладонь к стене, и резьба засветилась тем же серебряным светом, что и столб за горами.

Хана, которая весь день молчала и была необычно спокойна для ребёнка своего возраста, вдруг заговорила. Голос её был ясным и уверенным, не детским. «Это дорога, мама. Дорога домой».

Лина и Кай переглянулись. Кай осторожно спросил: «Домой? Куда домой?»

Хана не ответила. Она выскользнула из шарфа, подошла к стене и положила обе ладони на резьбу. Свет усилился, и пещера трансформировалась: тени отступили, стены стали прозрачными, и за ними открылось пространство, которого не могло быть. Под горами лежал сад. Не тот сад, который Лина знала, не дерево Му и не серебряное дерево. Другой сад, старше, больше, с деревьями, которые были не деревьями, а колоннами света, уходящими в темноту. Между ними текли реки, но не воды, а чего-то жидкого и сияющего, как расплавленное серебро.

«Это первый сад», сказала Хана. «Сад до сада. Место, где родились цветы».

Лина почувствовала, как слёзы текут по щекам. Не от страха, не от радости. От узнавания, глубокого, древнего, которое не было её собственным. Это воспоминание сада, переданное через её руки, через её кровь, через кровь матери и бабушки, через бесконечную цепь садовниц, которые жили и умирали, не зная, что хранят. Что именно хранят, они не знали. Они чувствовали лишь зов, тяжесть, ответственность и странную тоску, которую принимали за одиночество.

Теперь Лина знала. Это была не тоска. Это была тоска сада по себе, по своему первому дому, по месту, откуда он пришёл и куда должен был вернуться. И Лина была не просто садовницей. Она была нитью, связывающей сад с его истоком.

Глава 3. Первый сад

Они спускались три дня. Подземный путь был освещён резьбой на стенах, которая пульсировала, как дыхание живого существа. Воздух был тёплым, влажным, пах землёй и чем-то сладким, чего Лина не могла определить. Хана шла впереди, и её серебряная прядь светила всё ярче, освещая путь лучше любой лампы.

Кай молчал. Он держался за стену, касался резьбы, но свет не отвечал ему. Он был человеком, который вошёл в чужой храм, и чувствовал это с той же честностью, с которой чувствовал всё: прямо, без самообмана. Его присутствие здесь было не случайным, но его роль была иной. Он не был нитью. Он был якорем.

На третий день они вышли в подземную долину, и Лина остановилась, не в силах сделать шаг. Перед ними расстился Первый сад.

Он был огромен. Деревья-колонны уходили вверх и терялись в темноте, которая не была темнотой, а скорее отсутствием предела. Их стволы светились изнутри мягким, пульсирующим светом, и каждый пульс был синхронизирован с другими, так что весь сад дышал как единый организм. Между деревьями росли цветы, но не такие, как в мире наверху. Они были прозрачными, как стекло, и внутри каждого цветка горел огонёк, как маленькая звезда, посаженная в хрустальный бокал.

Реки серебра текли медленно, беззвучно, и там, где они касались корней деревьев, серебро впитывалось, и ствол вспыхивал ярче. Это была не магия в том смысле, в каком Лина её знала. Это было нечто более фундаментальное: основа, из которой магия росла, как цветы растут из почвы.

В центре сада стояло дерево, которое было всем. Его ствол был шире дома, в котором Лина жила с Каем. Его ветви образовывали купол, под которым могли бы укрыться все жители Фэнхуа. Его корни уходили во все стороны и исчезали в стенах долины, и Лина поняла, что эти корни и были тем, что пробивалось сквозь горы, что питало дерево Му наверху, что давало силу саду, который она знала всю жизнь.

Хана подошла к дереву и обняла его ствол. Её маленькие руки не обхватили и тысячной доли окружности, но дерево ответило: свет, пульсирующий в стволе, изменился, стал теплее, и Лина почувствовала, как волна тепла прошла через долину, через реки, через камень, через горы, и достигла поверхности, и она знала, что дерево Му наверху тоже почувствовало это.

«Это Мать», сказала Хана, не оборачиваясь. «Дерево Му, которое вы знаете, это ветвь. Я ветвь. Мама, ты ветвь. А это корень».

Лина села на землю, которая была мягкой, как мох, и тёплой, как кожа живого существа. Она плакала, и слёзы, падая на землю, впитывались и оставляли после себя крошечные цветы, прозрачные, с огоньками внутри. Кай опустился рядом с ней, обнял её, и они сидели так, втроём, у подножия дерева, которое было старше всего, и Лина впервые в жизни не чувствовала одиночества. Не потому что рядом были муж и дочь, а потому что сад, который она хранила, наконец показал ей, что она не хранила его одна. Она была частью чего-то, что было больше её, больше империи, больше мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.